

А. Ермоленко, д-р экон. наук, профессор, Южный институт менеджмента (Краснодар, Россия)
(e-mail: ermolenko_alex@inbox.ru)

ПОНЯТИЕ АНТИСИСТЕМЫ В ИССЛЕДОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Новая экономическая реальность, утверждающаяся в современном мире, вынуждает исследователей озаботиться весьма перспективной для науки, привыкшей к четким границам дисциплинарного исследования, проблемой поиска новых возможностей развития экономической теории, достаточных для раскрытия качественно новых феноменов, обусловленных взаимодействием трансформационных процессов, обладающих различной природой. При этом в фокусе внимания закономерно оказывается междисциплинарный подход, ориентированный на комбинирование и переплетение ресурсов различных направлений исследований, а, следовательно, на извлечение синергетических эффектов.

Одной из востребованных возможностей междисциплинарного характера в данном случае является понятие антисистемы, сформировавшееся на направлениях социально-исторического и этнологического исследований. Антисистемы как результаты социально-экономических преобразований возникают на основе постановки, коллективного признания и реализации трансформационных целей, негативных для развития общества в целом; длительное функционирование таких системных образований приводит к бесполезной растрате общественных ресурсов, формированию множества разрушительных для функций и структуры общественно-хозяйственной системы продуктов, дестабилизации социально-экономических коммуникаций и фактической приостановке эволюционного процесса. Антисистемы реализуют определенный комплекс негативных, с точки зрения эволюционного подхода, идей, по каким-то причинам получивших временное признание общества в целом или какой-то его части; в данном отношении антисистемы выступают в качестве результатов негативного стратегирования развития социально-экономических отношений. Соответственно, деструкция антисистем предполагает многоэтапное социальное опровержение и развенчивание данного комплекса идей, что обременяет общественное развитие дополнительными издержками глубоких и масштабных трансформаций.

Поляризация современного российского общества создает условия для невостребованности и редукации субъектного потенциала многих его участников, что, в свою очередь, обеспечивает формирование и «безмолвное» возведение в ранг целей социально-экономических преобразований идейных конструктов, не выдерживающих научной критики и разрушительных для общественно-хозяйственной практики. В частности, некритическое заимствование чужеродных институциональных форм и последовательная бюрократизация сферы образования и науки современной России обусловили возникновение в данной сфере антисистемы, многие результаты функционирования которой способствуют углублению кризисной ситуации в национальной экономике и сводят на нет те достижения сферы образования и науки, которые были обеспечены в предшествующие годы.

Ключевые слова: междисциплинарный подход; антисистема; поляризация; развитие; общественное признание; методология; стратегирование; субъектный потенциал; редукация; преобразования.

JEL classifications: B41, B51

DOI: 10.21869/2223-1560-2017-21-4-118-128

Ссылка для цитирования: Ермоленко А. Понятие антисистемы в исследовании результатов социально-экономических преобразований // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. Т. 21, № 4(73). С. 118-128.

Эволюция современной науки в рамках системной парадигмы закономерно приводит к развитию самого системного подхода: расширению его русла, появлению новых редакций данного подхода, формированию оригинальных концептуальных представлений о системных объектах, отражающих изменения, происхо-

дящие в объективной реальности. За последние годы в русле системного подхода появились такие новации, как модульная редакция данного подхода, концептуальное представление о неоднородных системах [7, 12]. Характерное для современного этапа развития взаимодействие множества социально-экономических пре-

образований обуславливает в общественно-хозяйственной жизни генерацию совокупности ранее не известных системных феноменов, часть из которых описаны и раскрыты в научной литературе: длительно существующие экономические системы депрессивного типа, постоянно нуждающиеся в притоке ресурсов из внешней среды; системы-маски, сведенные к одной лишь формальной организационной оболочке, скрывающей за собой совершенно иные экономические отношения [11]. Данная статья посвящена одному из таких феноменов, весьма представительному в российской экономике и обладающему значительным потенциалом ее разрушения.

Презентация антисистемы

Представим интересующий нас феномен в первом приближении. Речь идет о неких системных образованиях, которые совершенно не вписываются в сложившиеся концептуальные представления о системах, обладают совершенно не системными характеристиками. В частности, они ориентированы не на развитие, а на деградацию, нуждаются в регулярном предоставлении ресурсов из внешней среды, обладают скрытыми механизмами растраты указанных ресурсов, генерируют разрушительные для системных связей эффекты, замаскированные официальными отчетами о достижении новых рубежей социально-экономических преобразований.

Представительность указанных системных образований предполагает постановку качественно новой задачи в развитии системного подхода – задачи исследования процесса, который правомерно квалифицировать как полное перерождение систем, превращающее их в собственную противоположность. Для анализа таких феноменов востребована

специальная категория, которая уже существует, но сформировалась она за пределами поля экономического исследования. Речь идет о категории антисистемы, введенной в оборот социально-исторического исследования Л. Гумилевым в процессе разработки пассионарной теории этногенеза [5]. Оценивая заимствование указанной категории в целях исследования парадоксальных системных эффектов в сфере хозяйственной жизни, отметим, что экономическая теория в данном случае приспособливается к своим потребностям результаты междисциплинарного происхождения и обогащается за счет их адаптации, что характерно для современной науки, ориентированной не на защиту «чистоты» отраслевых исследований, а на продуктивное взаимодействие различных отраслей знания в разработке сложных трансграничных проблем.

Л. Гумилев следующим образом раскрывает содержание понятия антисистемы применительно к полю социально-исторического исследования:

– определенная, достаточно сплоченная общей негативной идеей (идеей недиалектического отрицания) группа людей объявляет существующие вне этой группы отношения неправильными и недостойными дальнейшего существования и начинает их искоренять;

– в итоге движение данной группы становится последовательным искоренением противостоящей негативной идее живой общественно-хозяйственной жизни, а с ней и природы, питающей все основные проявления данной жизни, утверждение негативной идеи происходит как разрушение реальной общественно-хозяйственной жизни;

– истребляя все живое вокруг себя, лишаясь притока ресурсов обеспечения собственной материальной жизни из

внешней среды, данная группа обрекает себя на последовательную деградацию и неизбежно исчезает;

– не обладая механизмом собственного воспроизводства, сторонники негативной идеи не способны существовать длительное время, в историческом отношении они обречены на самоликвидацию, соответственно, они не способны полностью уничтожить ненавистные им общественные отношения или невосполнимо подорвать их основы;

– в то же время, за то время, которое существует антисистема, она успевает нанести существенный вред всей той реальной системе жизни, во внутренней среде которой она развивается [4].

Представляется правомерным расширенное использование понятия антисистемы применительно к различным формам существования живой материи, однако в этом случае необходимо четко разграничивать:

– антисистемы биологического типа, разрушающие живой организм изнутри на основе реализации негативной генетической программы, замещающей негативную идейную программу;

– антисистемы социального типа, складывающиеся на основе формирования групп людей, подчиненных некоторой негативной идейной программе, разрушительной для нормальных общественных системных связей (некоторые средневековые ереси, современные секты, экстремистские сообщества и др.) [1, 5].

Во всех случаях антисистемы носят локальный, частный характер, охватывая только какую-то часть общей системы живой материи. Их всеохватность, повсеместное распространение антисистемы означала бы полное опровержение развития органической материи, всеобщую деградацию ее системных связей и, в конце концов, уничтожение всего живого.

Разработка понятия антисистемы в поле экономического исследования

В фокусе нашего исследования – антисистема в экономике, которая относится к социальному типу и возникает как один из результатов социально-экономических преобразований. Адаптируем приведенное выше первичное представление об антисистеме к конкретным условиям поля экономического исследования:

– во-первых, в данном случае мы имеем дело с особым – дегенеративным – типом системной организации экономических отношений с отрицательной ориентацией движения, нацеленного, как на разрушение той обычной, «нормальной» системы хозяйственной жизни, в которой складывается такое дегенеративное образование, так и на саморазрушение последнего;

– во-вторых, в интересующем нас образовании происходит запуск и реализация специфического процесса воспроизводства, для которого характерны качественная деградация, последовательное снижение потребностей участников и меры их насыщения; в то же время, искусственный, навязанный участникам данного образования аскетизм существования воспроизводится в расширенном масштабе [17];

– в-третьих, в данном образовании утверждается и последовательно реализуется негативное отношение к нормам нормальной материальной жизни. В итоге указанные нормы вытесняются из социальной практики и общественного сознания, замещаясь суррогатной совокупностью неких навязанных правил, стандартов, представлений.

Обобщая приведенные выше положения, сформулируем вывод о том, что антисистема как результат социально-экономических преобразований может

возникнуть в ходе осуществления совокупности шагов.

Первый шаг – целеполагание в особом режиме, который формирует и утверждает цели движения хозяйственной жизни, противостоящие ее реальным потребностям. Фактически, происходит подмена целей общественно-хозяйственного развития целями деградации, хорошо замаскированными и потому привлекательными для какой-то части общества, вовлекаемой в антисистему. Сфокусируем внимание на обеспечении достаточной привлекательности утверждаемых целей деградации как на важнейшем условии длительного существования антисистемы; разоблачение указанных целей приводит к ее быстрому исчезновению из хозяйственной жизни [8].

Второй шаг – формирование адекватного указанным целям человеческого фактора, примером которого в экономике современной России могут служить так называемые «эффективные менеджеры». Расширенное воспроизводство такого человеческого фактора дегуманизирует экономику и общество в целом. Поэтому антисистеме соответствует изуродованный, редуцированный человек, обладающий соответствующими характеристиками, ориентированный на замещение созидания разрушением, развития личности – расширением потребления, экономии труда – разрастанием издержек, извлечения прибыли – обретением прочной рентной позиции и т.п.

Третий шаг – выделение формируемой на основе указанного целеполагания антисистеме особых ресурсных источников, достаточных для ее функционирования. Получив доступ к таким источникам, интересующее нас системное образование начинает действовать, используя ресурсы для воплощения на деле выдвинутых ей негативных целей и задач.

Четвертый и наиболее важный шаг – запуск механизма генерации специфического капитала, выступающего в качестве ядра интересующего нас системного образования и являющегося, по сути дела, капиталом со знаком минус, антикапиталом. Поскольку антисистема исходит из формирования и утверждения негативных целей, то в ней капитализируются и накапливаются специфические результаты «духовного производства»: надуманные, противостоящие реальному потоку хозяйственной жизни идеи, установки, требования, нормы регулирования и др. Воплощая в себе определенное количество общественного труда, такие капитализированные результаты притягивают к себе живой труд, материальные ресурсы, в результате чего масса антикапитала возрастает. Одним из признаков накопления антикапитала в современной экономике является рост популизма [14].

Пятый шаг – создание особых институтов, адекватных целям, человеческому фактору, капиталу со знаком «минус», обеспечивающих упорядочивание и относительную стабилизацию антисистемы (ее норм, традиций, контрактов, статусов и форм поведения ее участников и др.). Стабилизируя локальную антисистему, такие институты разрушительно воздействуют на всю систему общественно-хозяйственной жизни. Соответственно, правомерно квалифицировать их, как уродливые институциональные образования, важнейшей задачей которых является маскировка антисистемы [23].

Поскольку экономическая антисистема не способна генерировать материальные ресурсы, необходимые для ее человеческого фактора, капитала со знаком «минус» и институтов, то ее важнейшей задачей становится организация перераспределения таких ресурсов, создаваемых нормальными участниками хозяйствен-

ной жизни: индивидуальными субъектами, корпорациями, пространственными экономическими системами [9]. При этом в ход идут средства, адекватные утверждаемым негативным целям: идеологический прессинг, запугивание реальными и мнимыми угрозами, институциональные ловушки, изначально привлекательные для тех, кого в них заманивают, компании псевдо- патриотического характера и т.п.

Отметим, что искусственная «привлекательность» утверждаемых целей для какой-то части общества необходима для сколько-нибудь длительного функционирования антисистемы. Как только спадает ложное «очарование» части общества негативными целями, которые были положены в ее основу, приток ресурсов прекращается, человеческий фактор демобилизуется, капитал со знаком минус перестает генерироваться и стремительно обесценивается. Антисистема перестает существовать [18, 5].

Антисистема под углом зрения стратегирования

Оценивая антисистему под углом зрения познавательных возможностей современной теории управления развитием сложных системных образований, определим ее в качестве масштабного результата совокупности глубоких социально-экономических преобразований, обусловленного ошибочным и навязанным обществу целеполаганием. Речь идет о некорректном стратегировании преобразований [15].

Опираясь на результаты ошибочного и навязанного обществу целеполагания, вовлекая в реализацию данных целей часть общества и потребляя притекающие извне материальные ресурсы, антисистема производит результаты, освоение которых приводит к постановке и реализации новых, дальше идущих нега-

тивных целей движения хозяйственной жизни. В свою очередь, опора на результаты ошибочного и навязанного обществу целеполагания предполагает, что в хозяйственной жизни ослаблены или деформированы механизмы естественного саморегулирования экономических отношений, а их заместили какие-то иные механизмы. Здесь возможны два варианта.

Первый из них заключается в доминировании государства, достаточном для навязывания ошибочных целей. Если, реализуя гордыню своей вертикали власти, государство берет на себя постановку комплекса перспективных целей развития экономики и общества, беря на себя всю полноту социальной ответственности за состояние отдельных сфер, отраслей и корпораций, не задаваясь вопросом о том, выдержит ли экономика в ее реальном состоянии бремя поставленных властью целей, то возникает возможность ставить ошибочные цели преобразований и направлять на их реализацию огромные ресурсы, игнорируя сигналы снизу о том, что преобразования идут не так, как необходимо для экономики и общества. Поскольку рынок и гражданское общество, уродливо трансформированные и придавленные вертикалью власти, соглашаются с монополией государства на формирование и утверждение перспективных целей развития, то негативные цели могут реализоваться длительное время – бюджет вытерпит, а государственный контроль «не заметит» неэффективных затрат выделенных ресурсов [10, 25, 26].

Второй вариант заключается в формировании и развитии в системе хозяйственной жизни гигантских корпораций, занимающих монопольные ниши и способных длительное время ставить и реализовывать цели, отчужденные от реальных потребностей развития экономики.

Благодаря своей монопольной позиции и доступу к общественным ресурсам (природным, человеческим, организационным, финансовым и др.), такие корпорации могут годами и десятилетиями успешно маскировать негативные результаты реализации некорректно поставленных целей, скрывать свои избыточные издержки и обходить механизмы акционерного и общественного контроля. Отметим, что оба анализируемых варианта относятся к одному и тому же типу институционально-хозяйственной организации экономики, который правомерно определить как «власть-собственность» [22].

Определим некоторые результаты некорректного стратегирования социально-экономических преобразований в современной России, относящиеся к указанному типу институционально-хозяйственной организации:

– средства общественно-хозяйственного разобщения и перспективной дезориентации людей (расширение неоправданных разрывов в доходах, демонтаж социальных «лифтов», формирование незатухающих конфликтов на границах, конфронтация с другими странами и др.) [1];

– разветвление антикапитала, в котором он сближается с некоторыми разновидностями фиктивного капитала (псевдо-имиджевый капитал фигурантов власти, капитал искусственно сформированных рейтингов, капитал, создающий «навязанные» товары и услуги и др.) [19];

- деформации личностного потенциала людей, формирование спроса на уродливые формы его проявления и блокировка каналов спроса на человеческий капитал в точном смысле данного понятия, когда востребованы не креативные люди, а их суррогатные преломления - «креативщики» [21];

- уродливо преобразованные, неэффективные институциональные формы,

реализующие функции дестабилизации и подрыва упорядоченности общественного воспроизводства (к ним правомерно отнести избыточные нормы, контрактно-ловушки, статусы распорядителей, не подкрепленные адекватной ответственностью и др.).

Возникнув в ходе некорректного стратегирования, антисистема в дальнейшем вовлекается в общее движение общественно-хозяйственной жизни, в котором она воздействует своими результатами на воспроизводственный процесс последней. Выделим ряд направлений такого воздействия:

- обескровливание общественного воспроизводства за счет изъятия части его ресурсов и создания барьеров на пути инвестиций (столкнувшись с результатами деятельности антисистемы, инвесторы, как правило, отказываются от дальнейших вложений) [20];

- формирование условий для возникновения избыточных издержек воспроизводственного процесса и подрыва его продуктивности;

- дестабилизация воспроизводства с помощью неэффективных институтов и мер экономической политики, характерным примером чего может служить ежегодное внесение существенных изменений в Налоговый кодекс.

Между нормальной системой и антисистемой лежит некоторый порог меры постановки негативных целей, формирования и накопления соответствующих результатов социально-экономических преобразований, означающий, что произошло качественное изменение и прежняя нормальная система, вносящая позитивный вклад в развитие общественного воспроизводства, коренным образом изменилась, став антисистемой, генерирующей избыточные издержки, эффекты поляризации, дисфункции и структурные

деформации общественно-хозяйственной жизни. При этом на стыке между нормальной системой и антисистемой формируются турбулентные зоны, в которых исчезают огромные объемы общественных ресурсов, осуществляются масштабные спекуляции, как на дрожжах, растут капиталы, ничего не приносящие национальной экономике [3].

Переход порога меры принципиально возможен и в противоположном направлении, когда глубокие перемены в социально-экономической политике обуславливают позитивные преобразования и прежняя антисистема глубоко преобразуется, обретая качественно иной облик и начиная работать в интересах развития общественного воспроизводства. Оценивая указанную возможность, отметим, что решающую роль в переходе порога меры от антисистемы к нормальной системе играют смена парадигмы социально-экономической политики и обусловленное ей изменение способа целеполагания, то есть, отказ от навязывания какой-то сфере общественного воспроизводства ранее господствовавших негативных целей. Для такого перехода порога меры востребованы адекватные сдвиги в обществе, выделим среди них формирование четко ориентированной и вполне дееспособной группы преобразователей, обладающей необходимыми идейными, властными и материальными ресурсами.

Антисистема в сфере науки и образования

В экономике современной России антисистема четко просматривается в сфере науки и образования, на протяжении длительного срока втянутой в неорганичные для нее преобразования. Исходным пунктом ее создания стало утверждение применительно к данной сфере совокупности негативных перспективных целей, обусловленных участием в

так называемом «Болонском процессе». В итоге имел место несоразмерный адаптивным возможностям собственной институциональной среды перенос чужеродных институтов, результаты которого были усилены воздействием общего для всей социально-экономической системы страны процесса бюрократизации и существенной недооценки сферы образования и науки, естественной для экономики, ориентированной на добычу и продажу природных ресурсов.

Выделим специфические характеристики сформировавшейся в данной сфере антисистемы:

– генерация и навязывание рынку и обществу специфических продуктов, которые правомерно поставить в один ряд с симулякрами (псевдо-квалифицированных выпускников, псевдо-научных идей и проектов и др.), не соответствующих реальным потребностям развития, обременяющих общественное воспроизводство избыточными издержками и снижающих потенциал свободного времени общества [3];

– проектирование и навязывание образовательным и научным учреждениям неадекватных их природе организационных механизмов, что ведет к формализации и выхолащиванию деятельности всей сферы (характерным примером могут служить организационные механизмы, навязываемые учреждениям РАН и вызывающие массовые протесты их сотрудников);

– затратный способ «освоения» выделяемых образовательным и научным учреждениям ресурсов государственного бюджета, обеспечивающий их инвестиционную непривлекательность;

– создание форматов подготовки, отчужденных от потребностей рынка труда, копирующих чужеродные институты, что приводит к выпуску не востребованных

потенциальными работодателями бакалавров, вынужденных продолжать обучение в магистратуре, затрачивая дополнительные время и средства и обретая компетенции, слабо востребованные рынком;

- переход процесса управления сферой образования и науки под контроль группы так называемых «эффективных менеджеров», игнорирующих характерные для нее специфику деятельности, культуру и менталитет, что обуславливает расширенную генерацию негативных целей; происходит последовательная бюрократизация сферы, в которой доминируют чиновники, а ключевые фигуры – преподаватели и исследователи – занимают сервисное, приниженное положение;

– чрезмерная доходная поляризация и подрыв воспроизводства научного и педагогического персонала. Так, доходное участие верхушки менеджмента высших учебных заведений в сотни раз превышает доходное участие ученых и педагогов, работающих в них [2];

– замещение содержательной деятельности формализованными процедурами, место реального обучения и исследования занимает работа по составлению бесчисленных документов и формированию виртуальной псевдо- реальности на сайтах научно-образовательных организаций;

– усиливающаяся деградация всей сферы, маскируемая демонстрацией успехов ряда входящих в нее структур, получающих доступ к дополнительному финансированию;

– отток из сферы интеллектуального капитала, который в последние годы переходит в бегство, что чревато ослаблением сферы как локомотива постиндустриального роста дальнейшим выталкиванием национальной экономики на глубокую периферию мирового хозяйственного развития [24];

– резкое снижение социальной оценки сферы, осознание обществом униженного положения российской науки и образования, о чем свидетельствует высказывание российского премьер-министра о том, что в школе место подвижникам, а тем, кто ищет деньги, стоит заняться бизнесом.

Нормальная система образования и науки формирует интеллектуальный капитал нации и реализует его в процессе приращения знаний. Антисистема, возникшая в данной сфере, формирует и накапливает капитал иного рода – сочиненные чиновниками «компетенции», опирающиеся на них программы, планы, методические материалы, отчеты, квазинаучная продукция, искусственно увеличенные индексы цитирования, обуславливающие растрату общественного времени установки, стандарты, нормы и др. Содержа в себе значительное количество прошлого труда, данный капитал со знаком минус отнимает у общества часть его живого труда, обеспечивая собственное возрастание и дальнейшее паразитирование антисистемы. Для остановки этого процесса востребована смена парадигмы политики в сфере науки и образования и, прежде всего, отказ от навязывания данной сфере, обладающей уникальным потенциалом целеполагания и саморазвития, привнесенных извне и явно негативных для ее судьбы целей.

Антисистема в сфере образования и науки – лишь один из примеров формирования и функционирования специфических системных образований, опирающихся на постановку и реализацию негативных целей преобразований, пагубных для экономики и общества. Десятилетие кризисов и стагнации, которое правомерно квалифицировать как потерянное для экономики России, побуждает дать кри-

тическую оценку многим затяжным и явно непродуктивным социально-экономическим трансформациям, приведшим к установлению антисистем.

Список литературы

1. Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006.
2. Борта Ю. Откуда миллионы у ректоров // Аргументы и факты. 2017. № 25.
3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал: в 2 т. 3-е изд. М.: ЛЕ-НАНД, 2015.
4. Гумилев Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. 6-е изд. М.: Айрис-пресс, 2013.
5. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. М.: Айрис-пресс, 2015.
6. Ермоленко А.А. «Крутизна» экономической политики в отсутствие политической экономии // Вопросы политической экономии. 2015. №3.
7. Клейнер Г.Б. Мезоэкономика развития. М.: Наука, 2012.
8. Мамедов О.Ю. В поисках «внеэкономического производства» // Terra Economicus. 2016. Т. 5, № 4. С. 6–17.
9. Минакир П.А. Антикризисная программа: заблуждения и ожидания // Пространственная экономика. 2015. №1. С. 7-13.
10. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005.
11. Торчинова О.В., Ермоленко А.А. Феномен социальной ответственности в условиях развития интеграционных процессов. Краснодар: Изд-во Южного института менеджмента, 2015.
12. Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем. М.: ГУ ВШЭ, 2001.
13. Холодков В.Г. Причины кризисного экономического развития России // Вопросы политической экономии. 2015. №3. С.89-98.
14. Albertazzi D., McDonnell D. (eds.) Twenty-First Century Populism. The Spectre of Western European Democracy. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008.
15. Egidi M., Rizzello S. Cognitive Economics: Foundations and Historical Evolution. Working paper No. 04/2003. Università di Torino.
16. Maddison A. World Economy: a Millennial Perspective. OECD. 2001.
17. Motrenko T. До питання про логіку розгортання форми вартості (логіка Гегеля і логіка «Капіталу» К.Маркса) // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Державне управління. 2014. № 1.
18. Olson M. Why is Economic Performance Even Worse After Communism is Abandoned? Fairfax, Virginia, 1993.
19. Popov V. Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West. Oxford: Oxford University Press, 2014.
20. Rifkin J. The Age of Access. The New Culture of Hypercapitalism where All of Life is a Paid-For Experience. N.Y.: Putnam, 2000.
21. Rossi E. The institutional structure of production revisited. Journal of Institutional Economics, 2015, vol. 11, is. 2.
22. The Institutional Economics of Russian Transformation. Burlington, Ashgate, USA, 2005.
23. Stirling A. Transforming power: Social science and the politics of energy choices. Energy Research & Social Science, 2014, no. № 1, pp.83–95.
24. Walliser B. Cognitive Economics. Berlin Heidelberg: Springer Verlag, 2008.
25. Вопросы региональной экономики / В.М.Юрьев, С.А. Андросова,

Ю.В. Вертакова, В.Г. Воробьева, Е.А. Колесниченко, Э.Н. Кузьбожев, А.М. Муратов, Я.В. Сергиенко, М.А. Смирнов, О.В. Согачева, С.Ю. Шутилина // Сер. Экономика. Книга 3. Направления стабилизации функционирования региональ-

ных социально-экономических систем. Тамбов, 2009.

26. Вертакова Ю.В., Согачева О.В. Исследование социально-экономических и политических процессов: учебное пособие. М., 2009.

Поступила в редакцию 15.06.17

UDC 338

A. Ermolenko, Doctor of Economic Sciences, Professor, Southern Institute of Management, (Krasnodar, Russia) (e-mail: ermolenko_alex@inbox.ru)

CONCEPT OF ANTISYSTEM IN THE STUDY OF SOCIAL AND ECONOMIC REFORMS OUTPUT

The new economic reality established in the modern world forces researchers to attend to a very promising for the science accustomed to the precise boundaries of disciplinary research problem of finding new opportunities for the development of the economic theory, sufficient to reveal qualitatively new phenomena caused by the interaction of transformation processes of different nature. At the same time, the interdisciplinary approach aimed at combining and intertwining resources of various research areas and consequently, at synergistic effects, is naturally the focus of attention.

One of the most popular interdisciplinary opportunities in this case is the concept of antisystem, formed in social-historical and ethnological research areas. Antisystems as the results of social and economic transformations arise on the basis of setting, social acceptance and implementation of transformation goals, negative for the development of the society as a whole; long-term functioning of such system formations leads to useless waste of social resources, formation of many destructive for the functions and structure of the social and economic system products, destabilization of social and economic communications and actual suspension of the evolutionary process. Antisystems implement a certain set of ideas negative in terms of the evolutionary approach which for some reasons received a temporary recognition of society as a whole or some part of it; in this respect, antisystems act as the results of negative strategizing of the development of social and economic relations. Accordingly, the destruction of antisystems involves a multi-stage social denial and debunking of this idea-complex, which burdens social development with additional costs of profound and large-scale transformations.

The polarization of modern Russian society creates conditions for the lack of demand and reduction of the subject potential of many of its participants, which in its turn ensures the formation and "silent" raise social and economic transformations of ideological constructs that do not stand up to scientific criticism and are destructive for social and economic practice to the rank of goals. In particular, the noncritical borrowing of foreign institutional forms and the consequent bureaucratization of the sphere of education and science of modern Russia conditioned the formation of an antisystem in this sphere, many of the results of its functioning contribute to deepening the crisis situation in the national economy and reduce to nothing the achievements in the sphere of education and science obtained in previous years.

Key words: *interdisciplinary approach, antisystem, polarization, development, social acceptance, methodology, strategizing, subject potential, reduction, reforms.*

JEL classifications: B41, B51

DOI: 10.21869/2223-1560-2017-21-4-118-128

For citation: Ermolenko A. Concept of Antisystem in the Study of Social And Economic Reforms Output. Proceedings of the Southwest State University, 2017, vol. 21, no. 4(73), pp. 118-128 (in Russ.).

Reference

1. Arrigi Dzh. Dolgij dvadcatyj vek. Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni. M.: Territorija budushhego, 2006.

2. Borta Ju. Otkuda milliony u rektorov. Argumenty i fakty, 2017, no. 25.

3. Buzgalin A V., Kolganov A.I. Global'nyj kapital: v 2 t. 3-e izd. M.: LE-NAND, 2015.

4. Gumilev L.N. Struna istorii. Lekcii po jetnologii. 6-e izd. M.: Ajrispress, 2013.

5. Gumilev L.N. Konec i vnov' nachalo: populjarnye lekcii po narodovedeniju. M.: Ajris-press, 2015.

6. Ermolenko A.A. «Krutizna» jekonomichejkej politiki v otsutstvije političeskej jekonomii. Voprosy političeskej jekonomii, 2015, no.3.
7. Klejner G.B. Mezojekonomika razvitija. M.: Nauka, 2012.
8. Mamedov O.Ju. V poiskah «vnejekonomičeskogo proizvodstva». Terra Economicus, 2016, vol. 5, no. 4, pp. 6–17.
9. Minakir P.A. Antikrizisnaja programma: zabluzhdenija i ozhidanija. Prostranstvennaja jekonomika, 2015, no.1, pp. 7-13.
10. Mizes L. Chelovečeskaja dejatel'nost': traktat po jekonomichejkej teoriji. Cheljabinsk: Socium, 2005.
11. Torchinova O.V., Ermolenko A.A. Fenomen social'noj otvetstvennosti v uslovijah razvitija integracionnyh processov. Krasnodar: Izd-vo Juzhnogo instituta menedzhmenta, 2015.
12. Sapir Zh. K jekonomichejkej teoriji neodnorodnyh sistem. M.: GU VShJe, 2001.
13. Holodkov V.G. Prichiny krizisnogo jekonomichejkej razvitija Rossii. Voprosy političeskej jekonomii, 2015, no.3, pp.89-98.
14. Albertazzi D., McDonnell D. (eds.) Twenty-First Century Populism. The Spectre of Western European Democracy. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008.
15. Egidi M., Rizzello S. Cognitive Economics: Foundations and Historical Evolution. Working paper No. 04/2003. Università di Torino.
16. Maddison A. World Economy: a Millennial Perspective. OECD. 2001.
17. Motrenko T. Do pitannja pro logiku rozgortannja formi vartosti (logika Gegelja i logika «Kapitalu» K.Marksa). Visnik Kiivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni Tarasa Shevčhenka. Derzhavne upravlinnja, 2014, no. 1.
18. Olson M. Why is Economic Performance Even Worse After Communism is Abandoned? Fairfax, Virginia. 1993.
19. Popov V. Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West. Oxford: Oxford University Press, 2014.
20. Rifkin J. The Age of Access. The New Culture of Hypercapitalism where All of Life is a Paid-For Experience. N.Y.: Putnam, 2000.
21. Rossi E. The institutional structure of production revisited. Journal of Institutional Economics, 2015, vol. 11, is. 2.
22. The Institutional Economics of Russian Transformation. Burlington, Ashgate, USA, 2005.
23. Stirling A. Transforming power: Social science and the politics of energy choices. Energy Research & Social Science, 2014, no. № 1, pp.83–95.
24. Walliser B. Cognitive Economics. Berlin Heidelberg: Springer Verlag, 2008.
25. Voprosy regional'noj jekonomiki / V.M.Jur'ev, S.A. Androsova, Ju.V. Vertakova, V.G. Vorob'eva, E.A. Kolesnichenko, Je.N. Kuz'bozhev, A.M. Muratov, Ja.V. Sergienko, M.A. Smirnov, O.V. Sogacheva, S.Ju. Shutilina. Ser. Jekonomika. Kniga 3. Napravlenija stabilizacii funkcionirovanija regional'nyh social'no-jekonomichejkej sistem. Tambov, 2009.
26. Vertakova Ju.V., Sogacheva O.V. Issledovanie social'no-jekonomichejkej i političeskejkej processov: učeбноe posobie. M., 2009.